

ГРУППА КРАЙНОВА Б. С.

С 20 октября по 9 ноября 1941 г. действовала в районе Наро-Фоминск-Борисово-Верея Московской обл. Состав – 10 человек.

1. Крайнов Борис Сергеевич - командир.
2. **Артемов Федор Михайлович, пропал без вести 24 октября 1941г.**
3. Баскаков Валентин Михайлович.
4. Булгина Лидия Александровна.
5. Воронина Александра Федоровна.
6. Комаров В.И.
7. Коровина Мария.
8. **Кузьмина Мария Федотовна, погибла 4 ноября 1941 г.**
9. Масин Николай Павлович.
10. Самойлович (Гвоздева) Наталья Трофимовна.

ГРУППА АНАНЬЕВА И. Ф.

С 20 октября по 6 ноября 1941 г. действовала в районе г. Верея Московской обл. Состав — 9 человек.

Линию фронта переходили совместно с группой Б.С.Крайнова.

1. **Ананьев Иван Федорович - командир, пропал без вести 25 октября 1941 г.**
2. Букин Виктор Алексеевич.
3. Емельянов Иван Леонтьевич.
4. **Макарова Софья Константиновна, погибла 4 ноября 1941 г.**
5. Марусин Илья Иванович.
6. Плахина Валентина Константиновна.
7. Проворов Павел Сергеевич.
8. Сукачева Клавдия Васильевна.
9. Штырова Антонина Георгиевна.

Нам никогда не забыть суровых лет войны. В минуты смертельной опасности весь советский народ поднялся на защиту своей Родины. Осенью 1941 года положение было

очень серьёзным. Враг рвался к Москве. Линия обороны на Западном фронте была прорвана. Советским правительством и военным командованием было принято решение использовать новые армейские ресурсы, а также усилить партизанскую борьбу на земле Подмосковья.

По призыву ЦК ВЛКСМ в начале октября 1941 года для работы в тылу врага формировалось специальное воинское подразделение — разведывательно-партизанская часть № 9903 при разведывательном отделе штаба Западного фронта. Среди добровольцев были школьники, студенты, рабочие и служащие московских предприятий. Позже в эту часть вошли комсомольцы из Ярославля и других областей России, а также Белоруссии, Литвы и других советских республик. Это были неумелые ещё воины, но страстные патриоты своей Родины.

С каждым добровольцем беседовали представители центральных комсомольских органов и их будущий командир Артур Карлович Спрогис, имевший к тому времени большой опыт диверсионно-разведывательной работы. Они расспрашивали о состоянии здоровья, физической закалке, военных навыках, предупреждали о трудностях партизанской жизни, когда не исключена возможность остаться одному во вражеском окружении или возникает необходимость прыгнуть с самолёта на парашюте; просили ещё и ещё раз подумать и взвесить своё решение. Наконец, после нескольких бесед мы были зачислены в соединение и направлены для обучения на базу в подмосковный посёлок Жаворонки.

Место сбора было назначено у кинотеатра «Колизей», который находился на Чистопрудном бульваре (сейчас здесь театр «Современник»). Сюда и пришли 15 октября одни из первых добровольцев, одетые в гражданскую одежду спортивного типа с рюкзаками за плечами, в которых была смена белья и немного продуктов.

В назначенное время подъехал открытый грузовик. И мы, простившись с провожающими быстро погрузились в него, ещё плохо представляя себе характер нашей будущей работы в тылу врага. Проехав центр города, машина взяла направление на запад.

По-военному выглядела в эти дни Москва. Над городом были подняты аэростаты, на крышах многих домов были установлены зенитные орудия, там и сям по улицам шагали военные отряды — во всём ощущался военный ритм. В самом начале Можайского шоссе огромные металлические «ежи», установленные прямо на проезжей части дороги, преграждали путь. Слышалась отдалённая артиллерийская канонада.

Чем дальше мы отъезжали от Москвы, тем отчётливее видны были повсюду признаки близкого фронта: противотанковые рвы, проволочные заграждения, завалы деревьев. Артиллерийская канонада приближалась. Вот и посёлок Жаворонки. Уныло выглядели когда-то весёлые дачные домики. Во многих из них находились военные. Уже начинало темнеть, когда мы разгрузились из автомашины и вошли в один из дачных домиков. Не было света, и мы в темноте настелили на пол сено, принесённое из стоящего невдалеке стога. Быстро улеглись и крепко заснули. А утром, проснувшись, увидели лежащий за окном снег. Умывались снегом. Позавтракав взятыми из дома продуктами, мы снова погрузились в автомашину. Нас перевезли за 1,5-2,0 км и поселили в помещении бывшего детского сада. Здесь мы окончательно расположились. Спали в нескольких небольших комнатах на детских раскладушках. Это и была наша первая база.

16 октября наш коллектив пополнился юношами — ярославскими комсомольцами. Вспоминает Баскаков: «Первые добровольцы, решившие выступить на защиту Москвы, собрались 12 октября в Ярославском Обкоме ВЛКСМ. На сборе был зачитан состав нашей команды в 35 человек, в качестве старшего команды, сопровождающего её в Москву, был назначен Борис Сергеевич Крайнов — член бюро Горкома ВЛКСМ. 13 октября вся команда собралась в Горкоме комсомола, а вечером того же дня направились пешком на станцию «Всполье», где села на московский поезд. В пути следования в поезде я узнал, что из Ростова — моего родного города есть Николай Масин — студент сельскохозяйственного техникума, родом из Переславля — Залесского. Всю дорогу был с ним рядом. В поезде я ближе познакомился с Борисом Крайновым. Он для меня стал не только старшим по команде, но и близким другом, который часто обращался ко мне за советом. 14 октября, прибыв в Москву, позвонили в ЦК ВЛКСМ, нам дали направление в гостиницу «Москва». Утром 16 октября направились в ЦК ВЛКСМ. Ночью немцы бомбили Москву. Одна из бомб попала в здание ЦК ВЛКСМ, стёкла в окнах были разбиты, здание начало приобретать нерабочий вид. Здесь нашу группу направили на Чистопрудный бульвар к кинотеатру «Колизей», где был сборный пункт. В ожидании автомашин мы посмотрели кинофильм «Чапаев».

Прибыв в Жаворонки, Крайнов пошёл в штаб доложить майору Спрогису о прибытии ярославской команды. Перед докладом, отдав Баскакову свой вещевой мешок, Борис посоветовался с ним не остаться ли и ему вместе с ребятами в этой части, на что тот ответил, что командование вряд ли откажет в его просьбе. На следующее утро Бориса вызвали в штаб и назначили командиром разведгруппы, просили подобрать ребят. По этому вопросу Крайнов снова спрашивал совета у Баскакова. Они решили взять в группу уже известного им Николая Масина — студента Ярославского

сельскохозяйственного техникума, а также шустрого парня — Ивана Смирнова.

Четвёртого бойца назначил штаб. Им был местный житель Можайского района, фамилию которого мы не запомнили. Штабом также были назначены и девушки в группу. Это были Наташа Самойлович — работница Московской камвольно-ткацкой фабрики, Лида Булгина и Маша Кузьмина — студентки педагогического института им. К. Либкнехта, Аля Воронина — студентка геологоразведочного института и Маша Коровина.

Наше обучение военному делу — стрельбе из разного вида оружия, минированию, ориентированию на местности — продолжалось не долго. Оно заняло всего лишь несколько дней. Из преподавателей нам особенно хорошо запомнился пожилой военный с седой головой, преподававший минёрное дело.

В конце обучения, майор Спрогис вызывал каждого к себе, внимательно расспрашивал о состоянии здоровья, общем самочувствии. В этот день, вечером было окончательно сформировано несколько групп, примерно по 10 человек в каждой. В их задачу входило: во-первых, усилить разведку противника, держать под особым наблюдением его подходящие резервы, во-вторых, внести дезорганизацию и панику в его среду путём минирования дорог, нарушения связи, уничтожения военных объектов и баз отдыха в районах расположения немецких частей.

Тогда и был представлен нам командир группы Борис Крайнов. Худощавый, среднего роста молодой человек с голубыми глазами, светлыми волосами и плотно сжатыми губами стоял перед нами. Мы думали увидеть грозного командира, умудрённого жизненным опытом, а перед нами стоял юноша наших же лет. Заместителем Крайнова был назначен Валентин Баскаков. Получили оружие (наганы, гранаты, а юноши — карабины, кинжалы), взрывчатое вещество — тол, мины, термитные шарики, «колючки» (для порчи автомашин) и сухой паёк на неделю. Надели сапоги. Девушки были в своих пальто (решили, что так легче ходить в разведку), юноши же — в шинелях, лишь Масин был в тужурке и кепке. При сборах наше первое впечатление о Борисе начало изменяться. Упорство и настойчивость сквозили во всех его поступках.

Утром следующего дня — это было 20 октября — первые две группы под командованием Бориса Крайнова и Ивана Ананьева (которого позже заменил Павел Проворов) отправились на выполнение боевого задания. Провожать нас вышли все обитатели дома. Седой минёр, волнуясь, прощался с нами, в его глазах стояли слёзы. День был хороший. Лес в своём осеннем золотом убранстве манил нас. Прозрачный, слегка морозный воздух — бодрил. И мы, ещё плохо представляя работу по ту сторону

фронта, не унывали. Машина тронулась, и вскоре исчез наш уютный домик. Фронт приближался. На сердце становилось тревожнее.

Нас обычно сопровождал один из командиров части, который должен был доставить группу к наиболее уязвимому месту в немецкой обороне. Для выполнения этой задачи он связывался с командованием передовых армейских частей, которое и направляло группы на соответствующие участки фронта.

На этот раз переход через линию фронта предполагался в районе железнодорожной станции Дорохово. Проехали Кубинку, затем — Дорохово. Впереди было Шаликово. Остановились в небольшой деревушке Моденове. Деревня была пуста. На огородах сиротливо торчали неубранные кочаны капусты. В ожидании командира мы вошли в дом, но рюкзаков не снимали. Внезапно деревня начала обстреливаться из миномётов, а затем и автоматов. Это наступали немецкие войска. Нам срочно пришлось сесть на автомашину и присоединиться к отступающим частям. Горечь отступления томила душу. Подъехали обратно к Дорохову, затем свернули на Верейское шоссе, ещё не занятое немецкими частями. Густой лес подступал к дороге. Проехав 2-3 км, машина остановилась на возвышенности. Шоссе серой змейкой спускалось вниз. Справа от дороги за деревьями проглядывала небольшая поляна, за которой виднелся осиновый лесок. Рядом, справа от нас шёл бой. Наземное наступление немцев сопровождалось воздушным.

Простились с командиром. Надели рюкзаки. С непривычки они показались нам очень тяжёлыми. Автомашина развернулась в обратный путь. Последнее «прощайте», и мы остались одни. Спускалась ночь. Тревожное чувство охватило нас, но раздумывать было некогда. Далеко внизу на шоссе уже появились немецкие части. Полные рюкзаки тянули назад. В лесу мы присели на болотные кочки, между которыми блестела вода. Отдохнув немного, осмотрели окрестности. Вышли к лесной просеке, которая открывалась к Верейскому шоссе. Увидели как по шоссе двигалась серо-зелёная масса. Это были немецкие части. Шоссе, по которому мы только что проехали, было занято немецкими частями.

Немцы сразу начали «прочёсывать» лес, стреляя без цели по опушке леса из пулемётов, установленных на мотоциклах. Мы увидели совсем низко немецкие самолёты. Над нами шёл воздушный бой. Вскоре мы слышали крики людей, рёв коров из расположенной недалеко деревни Грибцово. Трудно передать то тяжёлое чувство, которое овладело тогда нами. Вот мы — горсточка русских людей, защищая свою Родину, должны прятаться в лесу, а чужие, пришлые люди топчут нашу родную землю. Так начался наш первый поход. Первую ночь мы провели в том же лесу. Шёл холодный

дождь. Практически не спали, а дремали, сидя на болотных кочках. Утром облачность начала разрываться, показались участки чистого неба.

Наша сводная группа под командованием Ананьева двигалась по луговине, покрытой мелким кустарником и кочками. Невдалеке шёл бой. Вдруг из-за леса, прямо на нас вылетела группа фашистских бомбардировщиков. Мы залегли. Самолёты пролетели над нами и, развернувшись, начали бомбить место боя. Несколько бомб разорвалось где-то недалеко, впереди нас.

Пройдя по луговине несколько сот метров вперёд, мы увиделидвигающуюся нам навстречу группу военных в касках и плащ-палатках. По сигналу Ананьева мы залегли и приготовились к бою. Вдруг шедший впереди Ананьев встал и пошёл навстречу двигающимся людям. Это были советские офицеры и солдаты, с боями отступавшие к линии фронта. Забрызганные грязью после недавней бомбёжки, они были очень удивлены, что мы двигаемся на запад, в тыл противника; посочувствовали нашим трудностям, предали нам несколько ручных гранат и тёплые напутствия.

Немного позже ребята увидели в кустах мотоцикл, окружили его, залегли в кустах, но оказалось, что возле машины никого не было.

К полудню второго дня нашего похода мы перешли по луговине из одного участка леса в другой. Был объявлен привал, и разрешено перекусить. Ананьев приказал Масину вернуться к опушке леса, чтобы проследить, нет ли продвижения противника по лугу, и особенно — вслед за нами. «Я прошёл 300 метров и достиг опушки леса, — рассказывает Масин, — осмотрелся. Луг и лес напротив были пустыни. Я вышел из леса и стал внимательно смотреть на луг в обе стороны. И тут я услышал выстрел, мимо меня просвистела пуля, я понял это и сразу упал на траву, а затем заполз за куст, присел и стал наблюдать за противоположным участком, откуда в меня стреляли. Но увидеть кого-либо не удалось. Через несколько минут ко мне подбежал старший группы с 4-ми или 5-тью разведчиками и спросил «в чём дело?». Я ответил, что в меня кто-то стрелял с противоположной стороны опушки леса. Ананьев сказал, что пуля пролетела возле группы, расположившейся на привале. Ребята побежали в лес напротив, а мне велено было идти к месту привала и подкрепиться. Потом Ананьев мне говорил, что в том лесу они нашли нашего солдата, но в стрельбе он не признался. В этой поисковой группе с Ананьевым ходил также и Борис Крайнов».

К концу второго дня наши группы, разъединившись, направились по своим маршрутам и начали действовать самостоятельно. Примерно на третий день похода к нам пришла Соня Макарова — боец из группы Ананьева. К этому времени их группа находилась

ещё недалеко от знакомого нам леса, они попали под обстрел. Соня была ранена в голову, одежда на ней была разорвана. Она отбилась от группы, своих найти не смогла, вышла на нас. Крайнов, посоветовавшись с Баскаковым и Самойлович, решил оставить Соню, как раненную в ближайшей деревне, но она категорически возражала, её поддержали все девушки. Крайнов отменил своё решение, и Соня осталась в нашей группе.

В нашей группе был проводник, одетый в гражданское. Как нам стало известно, он хорошо знал местность в этом районе. «Однажды вечером, — вспоминает Масин, — на 4-й или 5-й день группа в темноте шла по мелкому частому осиннику: впереди проводник, за ним я в пределах видимости, за мною Крайнов и дальше — вся группа — тоже в пределах видимости. Вдруг Борис подаёт команду «Привал!». Я крикнул проводнику, чтобы остановился, слышу, он пробирается дальше в лес, только сучки трещат, но мне не отвечает, я ещё раз громко крикнул: «Привал! Вернись назад!». В ответ слышу слабое потрескивание, шорох, затем и он затих. Борис подошёл ко мне и спросил, где проводник. Я ответил, как обстоит дело. Мы вместе прошли вперёд, но он как в воду канул. Так в этот вечер мы остались без проводника. Собственно, он нам не принёс большой пользы, так как мы только ещё входили в район наших действий. Крайнову после этого пришлось изменить наш маршрут.

Последовал небольшой отдых, затем мы с Наташей Самойлович ушли вперёд в разведку. Вышли из леса. Впереди расстилался ровный луг. Небо прояснилось, взошла луна, освещающая всё вокруг ровным серебристым светом. Мы долго шли по этому лугу, а затем стали приближаться к чему-то большому и тёмному: то ли к деревне, то ли к высоким деревьям. Вдруг слева и спереди послышался стук копыт и влево по дороге в обход нас поскакал какой-то конный разъезд. Видимо нас заметили. Нам пришлось отходить вправо по осушительной канаве. Вражеский разъезд рыскал по лугу, отрезая нам путь назад к лесу, но мы отходили скрытно по канаве вправо, пока она не упёрлась в частый кустарник. Окружным путём мы добрались до своих».

Мы обычно, передвигались ночью. Впереди шло охранение — разведка (2-3 человека), за охранением — командир и затем — все остальные. Шли гуськом, старались двигаться бесшумно. Всё, что могло греметь, было тщательно завязано. Особой стала и походка: ступня становилась перекатом с пятки на носок, чтобы не хрустели ветки под ногами. Движение часто прерывалось остановками, во время которых внимательно прислушивались к малейшим шорохам. В тёмные ночи в лесу двигались почти на ощупь, старались рукой достать плечо впереди идущего товарища. При внезапной остановке соседа останавливались мгновенно. Громких команд не было. Приближение опасности охранение сигнализировало коротким свистом.

Днём немного отдыхали. Днём же девушки обычно ходили в разведку, в населённые пункты, ходили чаще всего вдвоём, а иногда и в одиночку. При этом выясняли название населённого пункта (что крайне необходимо было для ориентирования), пребывание в нём немецких частей и их расположение. Войдя в деревню, заходили в крайние дома, просили дать напиток воды. Возникал разговор. Мы рассказывали, обычно, выдуманную историю о своём якобы возвращении с трудового фронта (рыли, мол, окопы под Вязьмой или под Смоленском), называли ближайшие населённые пункты следования. Всё это сочинялось на ходу при движении к намеченному объекту, в том числе и вымышленная фамилия и имя на случай провала.

Местные жители, которым и самим тяжело жилось, ласково встречали нас, угощали последним куском хлеба. Часть этого скудного угощения девушки старались принести ожидающим в лесу товарищам. Обычно, на опушке леса разведчиц встречали ребята, среди которых почти всегда был наш командир. Очень выдержанный, внешне даже холодноватый, Борис всегда глубоко переживал за каждую разведку, за всех своих товарищей.

«Однажды, — вспоминает Масин, — Воронина и Самойлович ушли в деревню в разведку и долго не возвращались. Наступила темнота, а девушек всё не было. Борис очень волновался за их судьбу. Наконец, он позвал меня и Баскакова, отвёл в сторону и сказал, что надо идти в деревню, выручать девушек. Мы поддержали его. Взяли карабины, гранаты. Крайнов отдал распоряжение остальным ждать на месте, а наша маленькая группа ушла к деревне. Уже совсем стемнело, когда мы подошли к ней. Вдруг впереди послышались шаги, мы насторожились и : увидели наших девушек-разведчиц. На сердце сразу отлегло. Девушки удивились, увидев нас».

Кто-то из ребят однажды заметил Крайнову, что он выглядит как настоящий немец. На это Борис ответил: «Да, говорят, что я на них похож, но я их буду душить, пока у меня есть вот эти руки». Слова эти произвели сильное впечатление на ребят.

В качестве холодного оружия ребятам нашей группы выдали плоские штыки от немецких винтовок, которые были похожи на большие кинжалы, только лезвие их было тупым. В связи с этим Крайнов высказал своё недовольство, ребята его поддержали. Борис с первых дней похода подыскивал подходящий камень и при всяком удобном случае стал затачивать лезвие штыка. Через несколько дней упорной работы лезвие стало подобно бритве. Все ребята последовали его примеру и добились того же.

Крайнов был внимательным человеком и храбрым командиром. Он обладал мгновенной реакцией разведчика, что помогало ему хорошо ориентироваться в любой обстановке.

Мы все очень уважали и любил Бориса, хотя и побаивались его несколько холодноватого взгляда.

Отряд жил дружно. Все быстро привязались друг к другу. На стоянках работа кипела. Нужно было в короткий срок приготовить пищу, отдохнуть. Девушки обычно разжигали костёр, готовили обед, чаще всего просто чай; ребята заготавливали хворост для костра.

Очень быстро мы обнаружили свою неопытность в полевой жизни. В рюкзаки вместе с толом были положены и сухари, которые от такой близости стали совершенно горькими. Первое время мы тщательно выбирали менее горькие сухари, но затем рады были и каждому сухарику. Когда наши продукты были на исходе, начали рыть картофель на полях, искать в лесу кусты шиповника, а найдя его, часто делили одну ягоду на двоих. Спали мы у костра, прямо на земле, правда, первое время костров не разжигали. Конечно, никаких одеял и спальных мешков, кроме своего пальто и вещевого мешка, у нас не было, имели всего лишь две плащ-палатки на всех.

Выбрав место для стоянки, мы очищали его от сучьев, в центре разводили костёр, а вокруг набрасывали побольше еловых веток, на которые и ложились. У костра оставались два дневальных. Здесь же, у костра, сушилась мокрая одежда, причём как-то незаметно для нас подгорали то носки, то портянки, то подметки сапог (которые хотелось как можно ближе подвинуть к огню), то полы наших пальто. Сон был очень чутким, беспокойным. Холод заставлял нас всё время поворачиваться. Двигались ближе к огню, стараясь повернуть к нему замёрзшую часть тела. К концу сна костёр затухал, и мы все постепенно скатывались на золу: там было теплее. Иногда, чтобы согреться, мы вставали, начинали двигаться, прыгать, а затем снова ложились. Конечно, редко кто высыпался по-настоящему, и нам почти всё время хотелось спать. Обычно, наш Борис ложился позже всех, а вставал раньше. Мы почти всегда видели его бодрствующим. С таким командиром мы чувствовали себя в безопасности. Так прошло несколько дней. Западное направление группа сменила на Юго-Западное. Позади остались деревни: Пушкино, Грачёво, Бугайлово.

Однажды мы заночевали у деревни Коровино, в небольшом лесочке на склоне оврага. Лил дождь. Костёр быстро погас, а плащ-палатки плохо защищали нас от дождя и ветра. Утром вся деревня, расположенная на другой стороне оврага, хорошо просматривалась с нашей стороны. Там царило какое-то необычное оживление. Немецкие солдаты сгоняли людей на центральную площадь. Вскоре под конвоем был приведён мужчина. Зачитан приказ. В холодном осеннем воздухе слышимость всегда более высокая. Хотя мы и были далеко от деревни, ветер доносил до нас отдельные

слова приказа. Затем воцарилась гнетущая тишина. Резкий выстрел больно кольнул сердце — немцы казнили советского патриота. Видеть всё это было очень тяжело.

Вскоре из деревни вышла девушка в платье и кирзовых сапогах, повязанная платком. Её сопровождали два немецких автоматчика. Пройдя метров 100-150 девушка упала, сражённая автоматной очередью. Немцы подошли к ней, ногами перевернули мёртвое тело и пошли обратно в деревню. Кто она, за что расстреляна выяснить не представлялось возможным.

Спустя некоторое время, на опушке лесочка, где мы располагались, показались сначала гружённые автомашины с награбленным имуществом — кроватями, перинами, одеждой и даже — самоварными трубами, заброшенными поверх вещей, а затем появились немецкие мотоциклисты, проводившие здесь, очевидно, специальные занятия. Остаться в лесу уже было не безопасно, и Крайнов отдал распоряжение сниматься с места. Мы спустились в овраг, перешли ручей и краем поля направились в соседний лес.

К сожалению, названия многих населённых пунктов уже стёрлись в памяти и точно воспроизвести наш маршрут представляется довольно трудным делом. Помним, что после Коровина наш путь лежал мимо нескольких населённых пунктов, по одному из них пришлось проходить ночью. Впереди протекала небольшая речка, мост через которую находился в этой деревне. Была морозная лунная ночь. Деревня спала. Мы старались двигаться как можно бесшумнее. Только при выходе из деревни ночную тишину нарушил лай собак. Но отряд был уже в безопасности. Впереди виднелся спасительный лес.

Жизнь группы шла своим чередом. Ночью переходы, днём — разведка, выполнение основного задания, отдых. В дальнейшем стали передвигаться и днём, а ночью отдыхали. Люди очень сдружились. Трудности жизни закалили нас. Мы никогда не слышали ни стонов ни жалоб. А приходилось очень не легко. Нас часто мучили и голод, и холод, и жажда. Всё своё не легкое имущество (оружие, тол, мины, продукты) переносили на себе. Сухого пайка, полученного на базе, хватило не на долго и, когда, он кончился, питание добывали сами, особенно беспокоился по этому поводу Баскаков. Часто довольствовались мёрзлой картошкой, вырытой в поле, а иногда случалось и так, что по несколько дней ничего не ели. Воду часто пили из болота, а иногда и из дорожной колеи. Но среди нас нытиков не было. Вчерашние подростки становились мужественными бойцами.

Особенно выделялись среди нас Наташа Самойлович и Лида Булгина — не только

прекрасные товарищи, — но и очень надёжные и смелые разведчицы, нисколько не уступавшие в военных делах юношам. Борис Крайнов очень уважал их и часто с ними советовался, посылал на самые сложные операции. Группа жила одной очень дружной семьёй. Наши добрые товарищеские отношения между собой не исключали очень твёрдой, почти железной дисциплины, царившей в отряде. Длинные, чаще всего — ночные переходы, чередовались с дневными передышками.

Самым страшным для нас было потерять свою группу, остаться одному в лесу. «Однажды Крайнов, — рассказывает Аля Воронина, — приказал мне отправиться в разведку. Топографическая карта была лишь у командира, мы же имели лишь компасы. Для правильной прокладки маршрута необходимо было точно знать названия населённых пунктов, мимо которых мы проходили. Кроме того, нас интересовали разведывательные сведения о расположении немецких частей. Наметила предполагаемый азимут направления на деревню, которая находилась примерно в 5-6 км.

Осенние дни короткие. Уже начало смеркаться, когда я подходила к деревне, расположенной прямо в лесу. Вошла в ближайший дом. Он был полон народа. Оказалось, что немцами было занято несколько домов в деревне, а жителям пришлось сильно потесниться. Рассказала вымышленную историю о своих якобы скитаниях (рыла окопы под Вязьмой, сейчас возвращаюсь в Москву), узнала название деревни, попросила указать путь на ближайшее селение. Хозяйка дома угостила меня горячими щами, кашей; на дорогу дала несколько лепёшек, испечённых из картофеля с мукой; предложила остаться ночевать, так как идти в такую пору опасно. Становилось всё темнее и темнее, уже пора было возвращаться к своим. Поблагодарив гостеприимных хозяев, я покинула гостеприимный дом. При выходе из деревни натолкнулась на немецкий патруль. Немцы громко разговаривали. Пришлось быстро свернуть на лесную тропинку, войти в лес.

В густом тёмном лесу было тихо, лишь изредка раздавались ночные шорохи. Я мучительно всматривалась в темноту, всё время поглядывая на блестящую стрелку компаса, чтобы правильно определить по обратному азимуту свой путь. Ветки больно хлестали по лицу. Шла долго, но группы всё не было, хотя по подсчётам я уже должна быть на месте. На душе становилось всё тревожнее. Неужели заблудилась? От мысли одной остаться в лесу становилось не по себе. Но нужно было идти вперёд, ища опору в стрелке компаса.

Прошло ещё немного времени, и вдруг, между деревьев, блеснул огонёк, но вскоре пропал. Я поспешила в том направлении, и через некоторое время огонёк снова

засветил мне. Да, это были наши. Велика же была моя радость, когда я увидела лица товарищей. Мною овладело такое чувство, как будто я пришла в родной дом к самым дорогим мне людям. Действительно, все члены нашей группы представляли одну большую семью. Люди сдружились между собой. Тогда я ещё раз убедилась как хорошо быть среди этого маленького, но родного мне коллектива. Принесённые лепёшки были разделены поровну между всеми членами группы, немного скрасив наш скудный ужин».

Прошло ещё несколько дней. Группа продолжала свою работу в тылу врага. Западное направление мы сменили на Восточное, двигались в сторону Вереи. Заминировали ещё несколько участков дорог. Кончился запас продуктов. Часто приходилось вырывать оставшийся в поле картофель. Возвращающихся из деревень разведчиков с картофельными мешками встречали особенно радостно.

Однажды сидя в засаде, наши ребята: Борис, Валентин и Николай увидели, что по дороге шла немецкая лошадь; они загнали её в лес и подстрелили. Затем освежевали и часть мяса принесли с собой. Крайнов просил Алю и Лиду помочь Масину принести остальное мясо. Недалеко, — говорили они, мы убили старую корову. Каково же было удивление девушек, когда, придя на место, вместо коровы они увидели убитую лошадь. Мясу все были очень рады, но всё же девушки решили не разбивать иллюзий у остальных членов отряда относительно его характера. Значительную часть мяса запихнули в котелки, а остальную съели сразу. Разрезав мясо на мелкие куски и нанизав их на палочки, мы жарили под видом шашлыка свои несолёные кусочки на огне. Нам казалось тогда, что прекраснее кушанья не существует на свете. Группа приближалась к довольно большому населённому пункту — селу Борисову. Подошли к нему с северной стороны, остановились недалеко от грейдера на Верею. Здесь довольно долго наблюдали за движением транспорта по грейдеру. Движение на дороге было очень оживлённым. С большой скоростью мчались большие гружённые грузовики, проезжали санитарные машины, мотоциклы, повозки. По всему было видно, что близко располагается крупное немецкое соединение.

В Борисово для разведки направили Машу Кузьмину и Алю Воронину. «Мы вышли на Верецкий грейдер, — рассказывает Аля. — По обочинам дороги лежали неубранные трупы русских бойцов — видимо, жестокое сражение было за Борисово. Подошли к селу, прошли мост через небольшую речку. Навстречу нам ехали два немецких конника. Поравнявшись, они внимательно посмотрели на нас, но проехали молча. У крайнего дома, сидя на остатках, негромко причитала старуха. Немцы, заняв дом, выгнали её на улицу. Расспросили старую женщину, утешили как могли. Пошли вперёд по селу. Впереди у церкви заметили артиллерийские батареи; везде было много боевых

машин и солдат — в Борисове располагалось крупное немецкое соединение. Продолжать путь дальше было ненужным риском. Свернули влево, на тропинку, которая вывела нас к речке и окружным путём вернулись к своим. Ночью небольшая группа наших товарищей, возглавляемая Борисом Крайновым, взорвала мост, по которому мы входили в деревню».

Вот что вспоминает об этом Наташа Самойлович: «Крайнов, Масин, Баскаков и я пошли минировать мост. Масин и Баскаков остались на опушке леса для охраны. Крайнов и я взяли два 400-граммовых брикета тола и две мины с часовым механизмом. Подошли к мосту, заминировали его. Немецкий патруль, очевидно, услышав наши шорохи, дал автоматную очередь. Наши ребята открыли ответный огонь. И мы с Борисом оказались под перекрёстным огнём. Когда мы были у края леса, то услышали взрыв моста. «Это сработали наши мины!» — воскликнул Крайнов. Мы благополучно добрались до опушки леса и всей четвёркой отправились на свою лесную базу».

От Борисова группа направилась в сторону Вереи. Был заминирован один из участков Верейского грейдера и подорваны столбы связи. Пошли дожди. Дорога вся размякла, мины пришлось ставить прямо в грязь, руками разгребая для них ямки. Далеко уйти мы не успели, как раздались оглушительные взрывы — это на наших минах подорвались немецкие танки и автомашины. Мы даже поспорили — чьи мины разорвались. Быстро отошли к лесу. В лесу решили немного передохнуть. Но отдых был прерван собачьим лаем — после взрыва нас преследовали немецкие каратели. Пришлось срочно уходить вглубь леса. В группе были курильщики, а выданной на базе махоркой заведовал самый старший из нас — Валентин Баскаков. Иногда эту махорку ребята обменивали в деревнях на хлеб. Уводя группу от преследования, Крайнов приказал Баскакову, который был замыкающим, посыпать махоркой место стоянки и наши следы. Так мы и шли от погони.

Жизнь группы текла своим чередом. Позади осталось Старое село. В ясный осенний день мы двигались берегом реки Протвы, которую предстояло перейти. На карте, находившейся у командира, в этом месте был обозначен брод через реку, но где он точно находился на местности, сходу определить было трудно. Впереди, в пойме реки, показалась какая-то деревня. Вдруг на дороге, проходящей вдоль обрывистого берега реки, послышался шум машин — это двигались два немецких бронетранспортёра. Мы же, находясь ниже у кромки воды, залегли, приготовились к бою. Но машины проехали, не останавливаясь, в располагавшееся поблизости село, где находился немецкий гарнизон. Медлить было нельзя, и Крайнов приказал Масину срочно перейти реку. После второй попытки, Масин обнаружил подобие брода. Вдруг мы услышали конский топот. Сзади, из-за поворота к нам приближался конный отряд. Раздумывать

было некогда. Слева была река, справа — крутой обрыв берега. Крайнов отдал команду — переходить реку всем. Мы бросились в холодную воду. Река оказалась в этом месте довольно глубокой. Вода доходила многим выше пояса, а местами — по самое горло. Выбравшись на противоположный берег, мы побежали к лесу. Бежать пришлось по свежевспаханной пашне. Земля крупными комьями прилипала к сапогам, а мокрая одежда — к телу. При беге было тепло, при остановках замерзали.

Лес оказался небольшим. Оставаться в нём было небезопасно. Но мы были совершенно мокрые — необходимо было хоть немного обсушиться. Развели костёр. Выжали мокрую одежду, вылили воду из сапог, немного погрелись у костра. Высушиться же хорошенько не пришлось — решили подальше уходить от злополучной переправы. Уже значительно позже по-настоящему поняли какой смертельной опасности избежали и как решительно и умело поступил наш командир, отлично ориентирующимся на местности и быстро принимающим смелые решения.

Группа всё ближе подходила к Верее. Однажды поздно вечером мы расположились на ночлег на склоне небольшой балки, находящейся в глубине лесного массива. По днищу балки протекал ручеек. Разожгли небольшой костёр, вскипятили чай. Маша Кузьмина и Соня Макарова, а так же Николай Масин, готовились к выполнению очередного задания — заряжали мины. Внезапно раздался оглушительный взрыв. Сразу стало темно, а затем со всех сторон раздались стоны. «Я лежала, — рассказывает Аля Воронина, у костра, в 3-4 метрах от Сони и Маши; в момент взрыва инстинктивно прижалась к земле. Возможно это и спасло меня. Кроме ничтожной ранки на ноге и временной потери слуха на одно ухо, у меня ничего не было. Хуже было с моими товарищами, особенно с девушками.

Разожгли костёр. Страшная картина предстала перед нами. Соня Макарова и Маша Кузьмина были тяжело ранены. У Сони силой взрыва были оторваны руки и ноги. Она вскоре умерла. У Маши было тяжёлое ранение в области живота, грудной клетки и лица. она тихо стонала, просила согреть её. Мы накрыли её пальто, согрели чай. У Наташи Самойлович были многочисленные мелкоосколочные ранения лица и рук и сильная контузия головы, а у Маши Коровиной ранена щека. Сильно контузило Валентина Баскакова, он почти ничего не слышал, из уха текла кровь. Масину осколки попали в правую часть головы и уха. Перевязали всех раненых.

Положение сложилось очень серьёзным. Отозвав меня в сторону, Борис стал советоваться о дальнейших действиях. Нужно было похоронить Соню, устроить Машу в одном из ближайших населённых пунктов, так как она была нетранспортабельна из-за тяжёлого ранения. Отряд находился в глубоком тылу (за 30-40 км. от передового края

обороны), а у нас, кроме индивидуальных перевязочных пакетов и небольшой аптечки, ничего не было. Кроме того, сильный взрыв могли услышать и оставаться здесь дальше, было небезопасно.

Крайнов решил послать меня, как менее всех пострадавшую, в близлежащие деревни для выяснения возможности устройства Маши. Приблизился рассвет. Я отправилась в путь. Шла лесной дорогой. Два раза на встречу попадались люди — очевидно, выходящие из окружения наши бойцы. Первый, выросший как бы из-под земли, взглянул на меня испуганно-тревожными глазами и спросил не слышала ли я сильного взрыва. Очевидно, он находился недалеко от нашей стоянки и слышал взрыв.

Дорога вывела меня на большое поле, за которым начиналась деревня. Вошла в первый дом, попросила напиться. Оказалось, что деревня располагается на довольно бойком месте, почти каждый день здесь бывают немцы. Вошла ещё в один дом. Там мне рассказали о том, что совсем недавно гитлеровцы расстреляли здесь одну семью, скрывавшую раненую медицинскую сестру. Я поняла, что оставить Машу в этой деревне было не возможно, и, выйдя из деревни, направилась в соседнюю, располагавшуюся вблизи леса, в 2-3 км. от первой деревни. Шла полем. Казалось мне, что шла долго.

Вторая деревушка была совсем небольшой, она находилась на опушке того же лесного массива, в котором мы располагались. В первом же доме меня встретили радушно, накормили лепёшками, дали их на дорогу. Пришлось рассказать выдуманную историю о своём якобы возвращении из-под Вязьмы, где рыли окопы, о ночной бомбёжке, о смерти и ранении подруг. Жители слышали ночной взрыв, они посочувствовали мне, но, когда я начала разговор об оставлении у них раненой подруги, то мне отказали, сославшись на расстрелы за аналогичное дело в соседней деревне. Кроме того, они заметили, что староста деревни был очень жестоким, просто лютым человеком. Зашла ещё в один дом, но и там получила отказ, тогда попросила лопату, обещала вернуть её.

Опечаленная отказом, с лопатой в руках и лепёшками в кармане, я вышла из деревни и направилась к лесу. По его опушке протекал ручей, через который был переброшен деревянный мост. Я вошла на мост и тогда услышала за собой топот сапог и крик «Стой!». Обернувшись, увидела пожилого мужчину, догонявшего меня. Очевидно, это был староста. Страх овладел мной и я побежала. Сзади раздались выстрелы (два или три — точно не помню). Позади, остался мост, я была уже в лесу, но в ушах раздавался глухой стук сапог по деревянному настилу моста. Я бежала, ветки больно хлестали по лицу. Потом остановилась, прислушалась. В лесу было тихо. Слышно было только как бьётся сердце. Я решила немного отдохнуть. Начала ориентироваться. Оказалось

нелегко найти обратный путь, так как я часто меняла своё направление и не всегда запоминала его азимут. Долго бродила по лесу, пока запах гари не привёл меня к месту нашей стоянки. Маша была уже без сознания, пульс едва прощупывался — она умирала.

Выслушав моё объяснение, Борис нахмурился. За эту ночь он очень изменился. Его худощавое лицо ещё более вытянулось. Группе грозила опасность — необходимо было быстро менять местоположение. Похоронили Машу и Соню. Убитые горем тронулись дальше в путь. Страшный овраг остался позади».

В начале ноября на одном из участков полевой дороги были обнаружены немецкие телефонные провода прямой связи. Стало ясно, что где-то поблизости располагается штаб немецкой части. Крайнов приказал вырезать провода. Ребята приступили к делу. Но оказалось, что это сделать практически не возможно, так как провода не сгибались; тогда начали кусок за куском вырубать их кинжалами и складывать в рюкзаки. Пройдя немного вперёд, мы оказались на опушке леса, за которой простиралось большое поле. На его противоположном краю, на небольшом возвышении, виднелась деревня, где очевидно и располагался штаб, связь с которым мы нарушили. Наш путь пролегал мимо этой деревни. Было ещё совсем темно, когда мы, двигаясь по полю, увидели перемещающиеся нам на встречу светлые точки, которые через некоторое время превратились в светящиеся шары. Это с ручными прожекторами перемещались по полю немецкие конники, ища нарушителей связи. Мы осторожно, перебежками, передвигались по полю, часто ложились на землю, как бы желая вгрызться в неё. Иногда преследователи были совсем близко, отчётливо слышался храп лошадей. Но вот поле уже было пройдено, и мы наконец в заветном лесу. При утреннем свете увидели, что из рюкзаков у нас торчат какие-то яркие предметы. Это были провода, окрашенные в яркие контрастные цвета.

Северо-Восточное направление сменили на Восточное. Группа двигалась в сторону Наро-Фоминска. Шли не только ночью, но и днём. Минировали дороги, а когда кончались мины, использовали термитные шарики и миниатюрные «ежи» для порчи автомобильных покрышек. Взорвали небольшой склад боеприпасов.

Однажды днём Крайнов, Баскаков и Масин пошли в разведку в расположенную недалеко от стоянки деревню. Деревня была большой. Постоянного немецкого гарнизона в ней не было, но по рассказам жителей, её часто посещали немецкие и финские солдаты для реквизиции у населения продуктов питания. Мы уже несколько дней испытывали большие затруднения с питанием. «В деревне нашли хорошие люди, — рассказывает Масин, — предложили нам пообедать. Мы вошли в дом, хозяин крыл

соломой крышу, а хозяйка подавала ему снопы. Оторвавшись от работы, она ввела нас внутрь дома, вынула из печки горшок с супом, налила его в блюдо, отрезала по ломтю хлеба и пригласила нас к столу, а сама ушла продолжать работу. Мы с жадностью принялись есть суп, хлеб же спрятали в карманы для тех, кто оставался в лесу. Не успели мы расправиться с супом, как с криком: «Немцы!» в дом вбежала хозяйка. Крайнов и Баскаков были в армейских шинелях, я же был одет в гражданское полупальто и кепку. Выбежав с крыльца на улицу я почти напоролся на немцев. Большая их группа шла по деревенскому посаду вдоль домов, а по улице ехали военные пароконные повозки. Я повернулся и не спеша пошёл к дому. В сенях стоял Борис и Валентин, а хозяйка тихо шептала, показывая, что бы мы уходили чёрным ходом во двор, а оттуда через заднюю калитку вниз к берегу реки, поросшему кустарником. В деревне поднялся шум, началась стрельба. Немцы орудовали, добывали себе пропитание путём грабежа местных жителей. Мы негодовали, но помочь ничем не могли. Когда шум несколько утих, мы подошли поближе к домам и узнали, что немцы на трёх подводах повезли большаком награбленные продукты, а их солдаты отправились другой, более короткой дорогой. Мы решили броситься наперерез подводам, но они были уже далеко, попытались обстрелять их, немцы понеслись вскачь; некоторое время мы их преследовали, но настичь не смогли».

«Помню, — продолжает Масин, — Крайнов, Баскаков и я были в разведке в одной из деревень, в центре которой находилась начальная школа. от жителей узнали, что в школе есть группа наших солдат. Мы вошли туда, нам навстречу вышли солдаты. Завязалась беседа. Баскаков угостил всех махоркой. Крайнов строго посмотрел на бойцов и спросил, почему они здесь? Затем он убедил их срочно выходить к своим и бороться с проклятым врагом. Сказал, каким маршрутом лучше идти к линии фронта. Солдаты дали слово поскорее пробраться к своим».

В конце похода наша группа шла как днём, так и ночью. В одну из ночей возле полевой дороги, рядом с кустами мы увидели сарай. Решили обследовать его. Оказалось, что в сарае хранился скошенный овёс в смеси с горохом, который был обмолочен, но изредка попадались полные стручки. Мы сделали привал и стали в темноте выискивать полные стручки, чтобы хоть как-нибудь утолить наш голод. «Через некоторое время, — рассказывает Масин, — Крайнов приказал мне дойти до ближайшей деревни, уточнить её название, а так же выяснить наличие немецкого гарнизона. Я отправился в разведку. Шёл очень осторожно, почти бесшумно, готовый ко всему. В одной руке держал револьвер, в другой — взведённую гранату. В кромешной темноте на фоне неба стал замечать что-то похожее на деревню. Прошёл дальше. Дорога была подморожена, но снега не было. ноги зацепились за что-то мягкое, наклонился, пощупал руками,

оказалось, что это была убитая собака. Это мне не понравилось. Стал внимательно вглядываться в окружающее и постепенно стали вырисовываться стволы зенитных орудий, наклонённые почти горизонтально. Зенитки были обнесены какими-то коническими валами. Я понял куда попал и осторожно начал выбираться обратно. Выбрался благополучно, если и был на батарее часовой, то он почему-то активности не проявил. Доложил обо всём Крайнову. Он решил подобраться к батарее и, пользуясь темнотой, напасть на неё. Обменялись мнениями, составили план действий. Группа направилась к деревне, но близко подойти к батарее не смогли, так как стало светать. Ограничились обстрелом батареи из карабинов».

Шла третья неделя нашего похода. Чувствовалось приближение фронтовой зоны. В деревни уже не заходили — в них располагались немецкие соединения. Кончились продукты. Не могли вырывать и картошку, на полях — сильно промёрзла земля. При движении ночью в лесу в сплошной темноте мы часто натыкались на сухие сучья и поэтому лица у всех были изранены. Голодные, измученные, мы с трудом двигались к линии фронта. Моральной поддержкой для нас было полное выполнение задания.

Вблизи Наро-Фоминска мы соединились с небольшой группой выходящих из окружения советских бойцов и командиров. Разведка установила, что немцы на определённое время покидают свои окопы, а кроме того, мы знали, что на передовой они лишь местами несли дозорную охрану. Воспользовавшись этими обстоятельствами, наш объединённый отряд прошёл ночью немецкими окопами и подошёл к берегу реки Нары, которая служила линией фронтального раздела в этом районе. Вблизи реки мы были обнаружены и попали под перекрёстный обстрел немецких миномётов и советских пулемётов. По отношению к немецкой стороне мы уже находились в «мёртвой зоне» — под прикрытием берегового уступа; мины пролетали над нашими головами, разбиваясь на противоположном берегу. А вот с того берега, где располагались советские части, мы были хорошей мишенью. Нужно было срочно добраться до своих. «Подойдя со стороны леса к реке, — вспоминает Валентин Баскаков, — мы попробовали перебежать её по льду, передвигаясь даже по-пластунски, но лёд не выдерживал. Я предложил сплести из прутьев маты. Пока мы ломали ветки в кустарнике, расположенном ниже по течению реки, несколько смельчаков, выйдя из окружения, не раздеваясь, бросились в воду, ломая лёд. Связанный нами мат лёд также не выдержал. Пока мы работали, многие окруженцы уже были на том берегу. Пулемётный огонь с нашей стороны после переправы первых смельчаков был перенесён на огневые точки противника, который не прекращал ракетами освещать нашу переправу и покрывать её миномётным огнём. Время бежало. А снег шёл, как в феврале месяце. Борис дал команду переплывать. Наташа, Маша и Лида,

раздевшись, поплыли. Мы с Масиным некоторое время оставались в кустах, чтобы в случае необходимости прикрыть девушек, а затем также поплыли. Сам Борис отправился вдоль берега выяснить обстановку».

Воцарилась тишина. Начало понемногу рассветать. И вдруг мы увидели, что на том берегу, среди деревьев несколько бойцов тащат лодку. В неё посадили раненных, которых было немало среди окруженцев; с ними переправилась Аля Воронина и Борис Крайнов. Заметив лодку, немцы повели миномётный обстрел, но всё обошлось благополучно. И вот — мы на своей стороне. Несмотря на то, что миномётный обстрел продолжался, мы чувствовали себя уже дома. Позади остался многодневный тяжёлый поход в немецком тылу, трудная опасная работа, гибель близких товарищей.

Это было 7-го ноября 1941 года. Линию фронта мы перешли у Западной окраины города Наро-Фоминска, в районе летнего лагеря военной академии имени Фрунзе, где в ту пору располагалась одна из воинских частей. Это была I-я Пролетарская Московская дивизия 33 армии. Находиться здесь, у переднего края обороны было небезопасно, и командование, предварительно накормив нас, направило нашу группу без командира в расположенную примерно в 5 км. отсюда деревню Головеньки. Бориса Крайнова задержали на передовой, в связи с дачей им подробных разъяснений по нашему походу.

Уже начало смеркаться, когда мы совершенно обессиленные добрались до небольшой деревни Головеньки. В ней было довольно много народа. Помимо местных жителей, здесь располагался медсанбат и одно из подразделений дивизиона «Катюш». В первую очередь мы отправились в медсанбат для определения в госпиталь наших товарищей Ивана Смирнова, у которого были отморожены ноги, и Маши Коровиной, раненной в щёку. Остальные ехать в госпиталь отказались. В медсанбате Лида Булгина встретила подругу детства, которая была здесь военным фельдшером. Так как деревня была очень переполнена нашими бойцами, то мы уговорили Лиду попросить свою подругу помочь нам где-либо устроиться. Та привела нас к штабу располагавшейся здесь воинской части, куда нам и пришлось обратиться. На крыльцо дома вышел командир соединения, уже не молодой человек, майор Виноградов. Услышав нашу просьбу, он отдал распоряжение разместить нас в помещении штаба, где мы и расположились прямо на полу. Как он рассказал позже, у него дрогнуло сердце, когда он увидел нас — совсем юных бойцов, почти детей, — сильно исхудавших, в разорванной одежде и грязных повязках. В штабе с нами вёл разговор один из командиров — представитель особого отдела. Мы рассказали, к какой части относимся, что видели в тылу и что нами было сделано.

Старая хозяйка дома согрела воды. Мы немного помылись и начали приобретать нормальный человеческий вид. Вечером к артиллеристам для поздравления с Октябрьским праздником приехала Московская делегация, привезла воинам подарки от москвичей. Сначала делегация посетила бойцов, а затем пришла в штаб к командирам. Артиллеристы пригласили и нас на встречу. Тёплые приветствия и добрые пожелания воодушевили нас. За столом завязалась непринуждённая беседа, но мы вскоре, поблагодарив гостей и хозяев за радушный приём, простились с ними и быстро уснули, разморённые теплом и едой. А поздним вечером, часов в 10-11, тот же командир пригласил Баскакова и Масина, вышедших на крылечко, посмотреть, как «Катюши» будут бить по немецким объектам. Вот что вспоминает Баскаков: «Мы пришли на лужайку. Сзади нас, в 150-200 метрах на опушке леса стояли две автомашины, окрашенные в красный цвет, с «лестницами» наверху, как у пожарных машин. Вдруг неожиданно что-то затрещало, засвистело и пронёсся тёплый ветер — над нами летели ярко горящие жёлто-белые снаряды, летели точно по направлению, где было скопление танков. А там был суший ад. Нам хорошо было видно, как взрываются танки, горят дома, поднимается чёрный дым, как сажа, дым над деревней. Пока смотрели на «Чудо», треск сзади нас прекратился, стало тихо. Автомашин уже не было». Весь следующий день мы остались у гостеприимных артиллеристов а утром, 9 ноября были отправлены на попутной автомашине в штаб Западного фронта, располагавшийся в то время в подмосковном посёлке Перхушково. По пути к Москве навстречу нам двигались новые армейские подразделения. Нам кричали, что «это идёт новое пополнение прямо с Красной площади, где состоялся военный парад». В штабе фронта нас ожидал представитель нашей части, с которым мы и направились на нашу новую, так называемую «Кунцевскую» базу, которая находилась вблизи железнодорожной станции «Трёхгорка». На нашей базе после осмотра в медпункте были отправлены в эвакогоспиталь, сильно контуженный Баскаков и раненный в лицо Масин. В дальнейшем, после выздоровления, они продолжали воинскую службу уже в других армейских подразделениях. Борис Крайнов прибыл на базу на следующий день.

Ветераны в/ч №9903 Баскаков Валентин Михайлович, Булгина Лидия Александровна , Воронина Александра Фёдоровна /Воронина/, Масин Николай Павлович, Самойлович Наталья Трофимовна.